

Какъ Лиса у Волка жила.

Стало Волку тяжело на себѣ Лису тащить, вотъ онъ и спрашиваетъ: «Куда-же, кумушка, тебя отвезти?» — «Охъ, куманекъ, вези къ себѣ: до моего дома далеко; пожалуй, помру на дорогѣ безъ покаянія.» — А у Лисы и дома-то своего вовсе не было. — Вотъ пріѣхали они къ Волку въ домъ. Лиса, точно и вправду чуть жива, кряхтитъ, охаетъ. Насилу въ избу вошла, кое-какъ влѣзла на палаты, съ палатей прыгъ на печку и лежитъ. Пришлось Волку Лису кормить; ужъ онъ и такъ и сякъ изворачивался, — все кормить Лису. А Лиса лежитъ, полеживаешь, отгѣлась на волчьихъ харчахъ, такая гладкая стала, что, страхъ, — ужъ не все, что Волкъ принесетъ, и ѣсть-то.

Пронюхала она, что на чердакѣ у Волка кадочка масла на черный день спрятана. Разъ лежитъ она ночью на печи, да украдкой хвостикомъ постукиваетъ. «Чу, кума,» — говоритъ Волкъ, — «кто-то стучить.» — «А, знать, меня на родины въ бабки зовутъ.» — «Такъ сходи, все что нибудь заработаешь.» Вышла Лиса, прямехонько къ маслу; лизнула разъ, другой, да побоялась и вернулась домой. «Была?» — спрашиваетъ Волкъ. — «Была, кумъ» — «А какъ младенца-то назвали?» — «Початочкомъ.»

Въ другой разъ лежитъ Лиса, да опять хвостикомъ постукиваетъ: «Тукъ, тукъ,» — «Чу, кума, кто-то стучить.» — «Знать, опять меня на повой зовутъ.» — «Такъ сходи.» Вышла Лиса, прямехонько къ маслу, нализалась, какъ слѣдуетъ, и вернулась. «Была?» — «Была, кумъ.» — «А какъ младенца то назвали?» — «Да дѣвочка родилась, такъ Середочкой.»

Въ третій разъ Лисѣ захотѣлось совсѣмъ съ масломъ покончить. Лежитъ опять на печи, да хвостикомъ постукиваетъ. «Чу, кума, опять кто-то стучить.» — «Знать, меня опять на повой зовутъ: да ужъ и ходить надоѣло.» — «Ничего, сходи.» Вышла Лиса и долизала все масло. «Была?» — спрашиваетъ ее Волкъ, какъ она воротилась. «Была, кумъ.» — «А какъ младенца-то назвали?» — «Поскребышкомъ, куманекъ, Поскребышкомъ!»

Долго-ли, коротко-ли, только захотѣлось Волку маслица поѣсть. Пошелъ кумъ на чердакъ, — а масла-то нѣтъ ничего, пустая кадочка на боку валяется. «Кума, кума! — кричитъ волкъ. — А вѣдь масло кто-то у меня съѣлъ.» — «Кому же съѣсть, кромѣ тебя?» — «А не ты-ли?» — «Что ты, что ты! День весь ты дома, а ночью я на повой хожу: когда же мнѣ твое масло ѣсть? Напраслина, кумъ, напраслина! Вотъ ужъ правду люди говорятъ: кто Волка знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ. Самъ съѣлъ да на меня сваливаешь.» А Волкъ все на своемъ стоитъ. «Ну, хорошо, — говоритъ Лиса, — давай ляжемъ на солнышкѣ: у кого вытопится изъ живота масло, тотъ и виноватъ.»

Пошли, легли. Волкъ, какъ легъ, такъ и захрапѣлъ. А Лиса обтерла лапой кадочку и вымазала волку брюхо масломъ. «Кумъ, кумъ!» — толкаетъ она Волка. — «Просыпайся, это что? Вотъ кто съѣлъ. Смотри, и полъ замаслилъ.» Проснулся Волкъ, посмотрѣлъ — брюхо въ маслѣ. А Лиса говоритъ: «Что, куманекъ, не стыдно свой грѣхъ на другихъ сваливать? Отпирайся, воръ, а улики-то вѣрныя.»

Осердился Волкъ: «Врешь, кума: это все твои хитрости. Убирайся отъ меня вонъ!» И выгналъ Лису.

